

ДОКЛАД

«Один признанный беженец за девять лет. Обзор ситуации с беженцами из КНДР (Северной Кореи) в России»

Светлана Ганнушкина, руководитель Сети «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал»

Константин Троицкий, аналитик Комитета «Гражданское содействие»

Moonyoung Lee, Associate Professor (HK) Institute for Peace and Unification Studies (IPUS), Seoul National University

Составитель: Валерия Павлова, пресс-секретарь Комитета «Гражданское содействие»

Москва

2020

Содержание

I.	Введение.....	2
II.	Правовое регулирование и процедуры наказания для перебежчиков, применяемые в КНДР.....	3
III.	О соглашении между правительствами Российской Федерации и КНДР.....	5
IV.	Статистические данные.....	7
V.	Административные выдворения граждан КНДР из России.....	10
VI.	Истории беженцев из КНДР в России.....	15

С 2011 года российская миграционная служба (ФМС России и ГУВМ МВД РФ) предоставила статус беженца лишь одному гражданину КНДР. В 2019 году как за статусом беженца, так и за статусом временного убежища удалось обратиться минимальному за последние девять лет числу корейцев. Все это привело к тому, что в России на конец 2019 года осталось всего 49 граждан КНДР, имеющих временное убежище, и один кореец со статусом беженца. Эти печальные антирекорды стали результатом планомерного разрушения института убежища и циничного игнорирования российской властью массовых и чудовищных нарушений прав человека в Северной Корее. При этом, несмотря на крайне опасный и непредсказуемый тоталитарный режим, российские суды регулярно выносят постановления о выдворении в КНДР ее граждан.

Не секрет, что ситуация с правами человека в Северной Корее более серьезна, чем в какой-либо другой стране. По этому поводу международное сообщество часто выражает свою озабоченность. Такие структуры Организации Объединенных Наций (ООН), как Совет по правам человека, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, снова и снова возвращаются к обсуждению вопроса нарушений прав человека в КНДР.

Последнее масштабное и многостороннее исследование ситуации с правами человека в КНДР, проведенное ООН, закончилось в 2014 году. [Комиссией по расследованию положения в области прав человека в Корейской Народно-Демократической Республике ООН](#) было установлено наличие систематических и массовых нарушений прав человека в Северной Корее, среди которых: нарушения права на питание, пытки, бесчеловечное обращение в тюрьмах и лагерях, произвольные аресты и задержания, дискриминация, нарушения свободы выражения мнений, нарушения права на жизнь, неправомерное ограничение свободы передвижения, похищения. Как заключает Комиссия: *«Во многих случаях нарушения прав человека, выявленные комиссией, составляют преступления против человечности. Речь идет не просто о каких-то перегибах со стороны государства; эти деяния являются неотъемлемыми компонентами политической системы»,* при этом власть КНДР *«на протяжении десятилетий проводит преступную политику, которая глубоко потрясает сознание человечества».*

Касаясь темы миграции, Комиссия сделала вывод, что граждане КНДР *«принудительно репатриированные из Китая, обычно подвергаются пыткам, произвольным задержаниям, казням без надлежащего судебного разбирательства, принудительным абортam и другим формам сексуального насилия».*

Среди рекомендаций Комиссии, адресованных другим странам в отношении выходцев из Северной Кореи и их права на убежище, выделяются два следующих:

«Предоставлять лицам, сбежавшим из Корейской Народно-Демократической Республики и нуждающимся в международной защите, убежище и другие средства эффективной защиты; обеспечивать этим лицам полную интеграцию в общество и должную защиту от дискриминации»;

«Соблюдать принцип невысылки и, следовательно, воздерживаться от принудительной репатриации любых лиц в Корейскую Народно-Демократическую Республику, если только там существенно не улучшится обращение с людьми, как это будет подтверждено международными наблюдательными органами по правам человека».

По результатам исследования Комиссии и для продолжения мониторинга в июне 2015 года в Сеуле – столице Республики Кореи (Южной Кореи) – под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по правам человека было открыто отделение по изучению ситуации с правами человека в КНДР. Это было сделано в Сеуле, а не в Пхеньяне из-за того, что, несмотря на неоднократные запросы международного сообщества, власти КНДР наотрез отказали в посещениях своей территории Специальному докладчику ООН. Кроме ООН исследование ситуации в КНДР ведет [Корейский институт Национального объединения \(KINU\)](#), который с 1996 года ежегодно публикует доклады «[Белая книга о правах человека в Северной Корее](#)», основанные на различных доступных статистических данных и глубинных интервью, проведенные с сумевшими сбежать из КНДР корейцами.

К сожалению, нет оснований предполагать, что ситуация с правами человека в Северной Корее улучшилась за годы, прошедшие с момента публикации в 2014 году Комиссией итогов своего исследования. О продолжающемся попрании режимом в КНДР основ прав человека свидетельствует продолжающийся мониторинг ООН, резолюции Генеральной ассамблеи ООН ([A/RES/71/202](#) от 19 декабря 2016 года, [A/RES/72/188](#) от 19 декабря 2017 года, [A/RES/73/180](#) от 17 декабря 2018 года, [A/RES/74/166](#) от 18 декабря 2019 года), резолюции Совета по правам человека ООН ([A/HRC/RES/37/28](#) от 23 марта 2018 года, [A/HRC/RES/40/20](#) от 22 марта 2019 года), ежегодные выпуски «[Белой книги](#)» и заключения правозащитных организаций.

Правовое регулирование и процедуры наказания для перебежчиков, применяемые в КНДР¹

В Северной Корее наказание перебежчиков осуществляется на основе 1) уголовного кодекса, 2) административного кодекса и на так называемом 3) «кодексе народной безопасности и правоохранения» (People's Security Enforcement Law).

В уголовном кодексе КНДР наказания для перебежчиков предусматриваются в двух статьях: «нелегальное пересечение границы» (Статья 221) и «предательство родины» (Статья 63). В зависимости от обстоятельств нелегальное пересечение границы может привести к наказанию в виде принудительных работ до одного года в трудовом лагере или до пяти лет в исправительных трудовых колониях (Статья 221). Корейцы, совершившие то, что властями КНДР рассматривается как предательство, в частности

¹ Подробнее о правовом регулировании и процедурах наказания перебежчиков в Северной Корее, см.: [Korean Institute for National Unification, 2019. White Paper on Human Rights in North Korea 2019. pp. 390-414.](#)

побег в другие страны, может привести к наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет в исправительных трудовых колониях. В случаях, оцениваемых режимом как более серьезные, – к неограниченному по сроку пребыванию в колониях, либо к смертной казни и конфискации всего имущества (Статья 63).

Первая процедура, которую приходится пройти тому, кого режим объявил перебежчиком и кого принудительно выслали в КНДР, является верификация, проводимая Министерством государственной безопасности, чьи отделения расположены в приграничных областях. Главным образом служащие этого министерства интересуются тем, сколько раз репатриированный пересекал границу, а также его деятельностью после пересечения границы (были ли контакты с гражданами Республики Корея или христианами, совершались ли поездки в Южную Корею и т.п.). После этой процедуры репатриированных направляют либо в следственные изоляторы Министерства народной безопасности, либо в региональные центры содержания в приграничных областях.

Таким образом, в течение следствия и судебных процедур насильственно репатриированные проводят время в следующих местах: центры содержания (holding centers), следственные изоляторы (detention centers), трудовые лагеря (labor training camps), тюремные лагеря (prison camps). Во всех этих местах происходят грубейшие нарушения прав человека. Согласно Комиссии ООН и «Белой книге», уровень насилия и жестокого обращения по отношению к репатриированным северным корейцам в центрах содержания и следственных изоляторах в приграничных регионах экстремально высок. Там репатриированные часто подвергаются оскорблениям, избиениям, пыткам, голоду, принудительным работам и т.п. Есть заслуживающие доверия сообщения о том, что в этих местах нередко применяются обыски с раздеванием (strip search), включая досмотр матки, а беременные женщины-перебежчицы дополнительно к этому подвергаются принудительному аборту.

Все это грубейшие нарушения фундаментальных прав человека (право на гуманное отношение, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право не подвергаться пыткам), то есть прав, гарантированных кроме прочего Международным пактом о гражданских и политических правах, который среди других государств-участников КНДР ратифицировала в 1981 году ².

К сожалению, пока улучшения ситуации с правами тех, кого власти КНДР относят к перебежчикам, не наблюдается, наоборот, похоже, что она становится еще хуже. Так, в «Белой книге» за 2019 год отмечается, что [«пограничный контроль и суровое преследование перебежчиков стало еще более жестоким с приходом к власти Ким Чен Ына, поэтому еще более возрастает озабоченность возможным нарушением»](#)

² Надо отметить, что в 1997 году правительство КНДР направило в ООН уведомление о том, что выходит из числа государств-участников Международного пакта о гражданских и политических правах, но в ООН по-прежнему считают, что на эту страну распространяется действие пакта, так как выход из соглашения требует согласия всех других государств-участников, которое в отношении выхода Северной Кореи дано не было.

[прав человека в отношении тех корейцев, которые были пойманы при попытке убежать из КНДР и тех, кто был насильно репатриирован](#)».

Несмотря на чудовищные реалии, которые встречают насильно репатриированные в КНДР, российские власти, к сожалению, далеко не всегда следуют рекомендациям ООН, грубо и цинично их нарушая. Это очевидно как из рассмотрения российскими миграционными органами и судами дел корейцев, не желающих возвращаться в КНДР и нуждающихся в убежище, так и из ряда политических решений.

Наиболее символичным актом, демонстрирующим пренебрежение российской власти к правам человека в КНДР и защите корейских беженцев, стало заключение в 2016 году соглашения о реадмиссии между правительствами КНДР и Российской Федерации.

О соглашении между правительствами Российской Федерации и КНДР

На России лежит особая ответственность за северокорейских беженцев, так как она одна из трех стран (Россия, Китай и Республика Корея), с которой у КНДР есть сухопутная граница. Другая причина особой ответственности России состоит в том, что СССР участвовал в создании, а затем долгое время активно поддерживал тоталитарную систему КНДР. К сожалению, Правительство РФ демонстрирует не повышенную ответственность, а крайнюю безответственность в отношении беженцев из КНДР, которые стали заложниками заигрывания российской власти с северокорейским режимом.

Так, 3-го февраля 2016 года, то есть всего два года после публикации процитированного выше доклада ООН, заместитель руководителя Федеральной миграционной службы (ФМС) России Николай Смородин и заместитель министра иностранных дел КНДР Пак Мен Гук подписали [«Соглашение о передаче и приеме \(реадмиссии\) лиц, незаконно въехавших и незаконно пребывающих на территории Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики»](#), а также прилагающийся к этому соглашению [исполнительный протокол](#) о порядке реализации реадмиссии. Иными словами, несмотря на рекомендации Комиссии ООН, российское правительство узаконило насильственную высылку в КНДР тех корейцев, которых сочтет нужным. Следует отметить несколько нюансов этого позорного соглашения:

- Соглашение подразумевает возможность передачи в КНДР лиц из третьих государств, выехавших из Северной Кореи с нарушением миграционных правил (Статья 3);

Другими словами, человек, прибывший из КНДР в Россию, вне зависимости от гражданства находится в группе риска быть выдворенным в Северную Корею, где его могут ждать пытки и расправа.

- Соглашение подразумевает обмен информацией между государственными службами Российской Федерации и КНДР как о гражданах, о которых Северная Корея

направляет запрос о выдаче, так и о гражданах третьих стран, выехавших из нее с нарушением миграционных правил (Статьи 2 и Статьи 3);

Нетрудно понять, что обмен такой информацией способен поставить под угрозу безопасность не только беженцев из КНДР, но и граждан других стран, у которых возникли проблемы на территории КНДР.

- Соглашение не дает никаких гарантий, что северные корейцы и граждане других стран, которых российские власти передают в КНДР, не будут подвергнуты пыткам и иному бесчеловечному отношению, там практикуемому. Единственная оговорка касается лиц, о которых запрашивается транзит в третьи страны. Как указано в соглашении, соответствующее российское ведомство *«может отказать в транзите лица»*, если *«существует угроза того, что в государстве назначения или в другом государстве транзита гражданин третьего государства или лицо без гражданства подвергнется пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, смертной казни или преследованию по признаку расовой, религиозной, национальной принадлежности, а также принадлежности к определенной социальной группе или по признаку политических убеждений»*, а также, если *«в государстве назначения или в другом государстве транзита, гражданин третьего государства или лицо без гражданства подвергнется уголовному преследованию или наказанию»*.

Тут сразу же возникают два вопроса: 1) Почему «может отказать», а не обязательно откажет? Значит ли это, что российская сторона может допустить транзит, даже если она признает вероятность преследования, пыток и расправы с тем, кого КНДР просит направить в некую третью страну? 2) Почему не даются гарантии в отказе в передаче в КНДР, если, как известно, там никто не защищен от пыток и угрозы расправы?

Последний вопрос - риторический, так как если бы он был серьезно рассмотрен ответственными за это соглашение лицами, то оно бы и не появилось. При этом, как в докладах правозащитных организаций, так и в рекомендациях ООН однозначно утверждается, что никого из покинувших КНДР и не желающих возвращаться, не следует туда принудительно отправлять.

Статистические данные

Согласно статистике ФМС России и МВД РФ, с 2012 года (более ранние данные у нас отсутствуют) и до конца 2017 года число граждан КНДР в России колебалось в районе 30-40 тыс. человек.

В 2018 году начался массовый выезд корейцев из России, что напрямую связано с резолюциями Совета безопасности ООН ([резолюция 2375 от 11 сентября 2017 года](#) и [резолюция 2397 от 22 декабря 2017 года](#)), согласно которым, странам запрещается давать разрешение на работу трудовым мигрантам из КНДР, а также следует закрыть все северокорейские и совместные с ними коммерческие компании.

Так, например, [согласно данным, полученным Русской службой ВВС](#), на 2017 год Министерством труда РФ была установлена квота на работу для более 44 тыс. граждан КНДР, а на начало 2018 года было зарегистрировано около 300 северокорейских компаний и еще тридцать совместных с российскими компаниями. [По информации газеты Коммерсант](#), квот было даже больше (порядка 48 тыс.), так что в 2017 году не все они были использованы. При этом аналогичные данные на 2018 год обнаружить не удалось.

В 2019 году число граждан КНДР, пребывающих на территории России, продолжило резко сокращаться, что в первую очередь было связано с окончанием действующих трудовых виз и возвращением их обладателей на родину.

В феврале 2020 года российский посол в КНДР заявил, что Россию покинули все северокорейские рабочие.

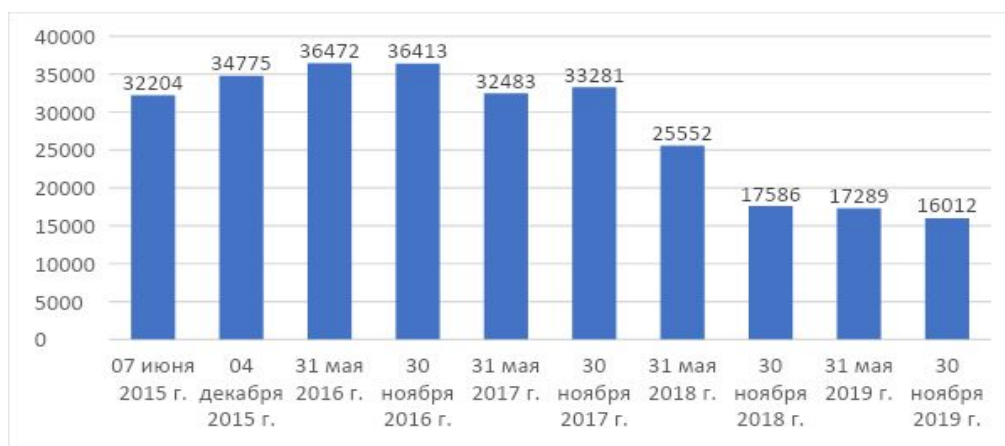

Диаграмма 1. Число граждан КНДР (человек) на территории России на указанную дату (согласно данным ФМС России и МВД РФ)

По данным ФМС России и МВД РФ, за последние **девять лет**, несмотря на все сложности и препятствия, ходатайство о предоставлении статуса беженца смогли подать 207 граждан КНДР, но **только одному из них** российская миграционная служба этот статус предоставила. Этот единственный случай приходится на 2011 год.

Число тех, кому удалось обратиться за статусом беженца, падает с 2016 года и в 2019 году составило самое низкое значение за весь период, за который у нас есть данные (2011-2019).

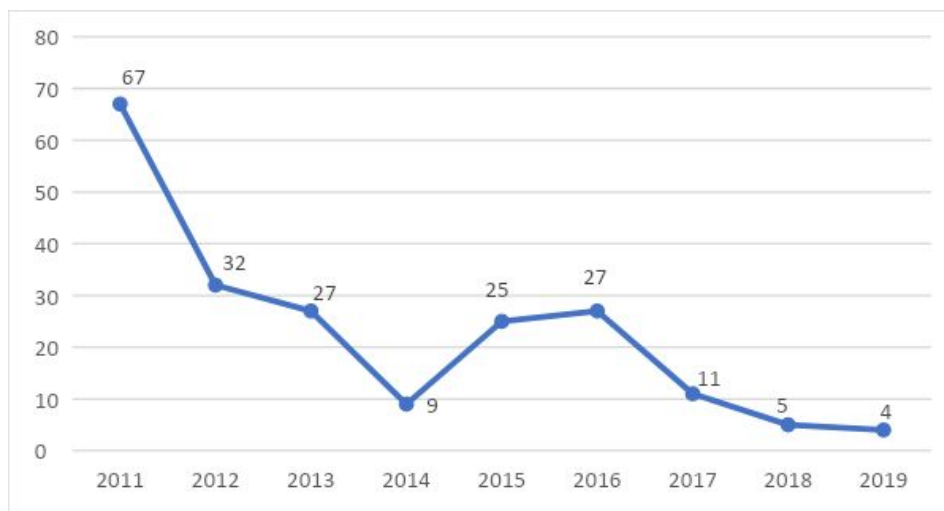

Диаграмма 2. Количество ходатайств о признании беженцем, которые удалось подать гражданам КНДР (согласно статистике ФМС России и ГУВМ МВД РФ на 2011-2019 гг.)

С 2011 по 2019 годы 305 гражданам КНДР удалось обратиться за временным убежищем и 213 этот статус получили. Но последние три года, то есть все с того же конца 2016 года, число тех, кому удалось обратиться за временным убежищем и число тех, кому оно было выдано, неуклонно снижалось.

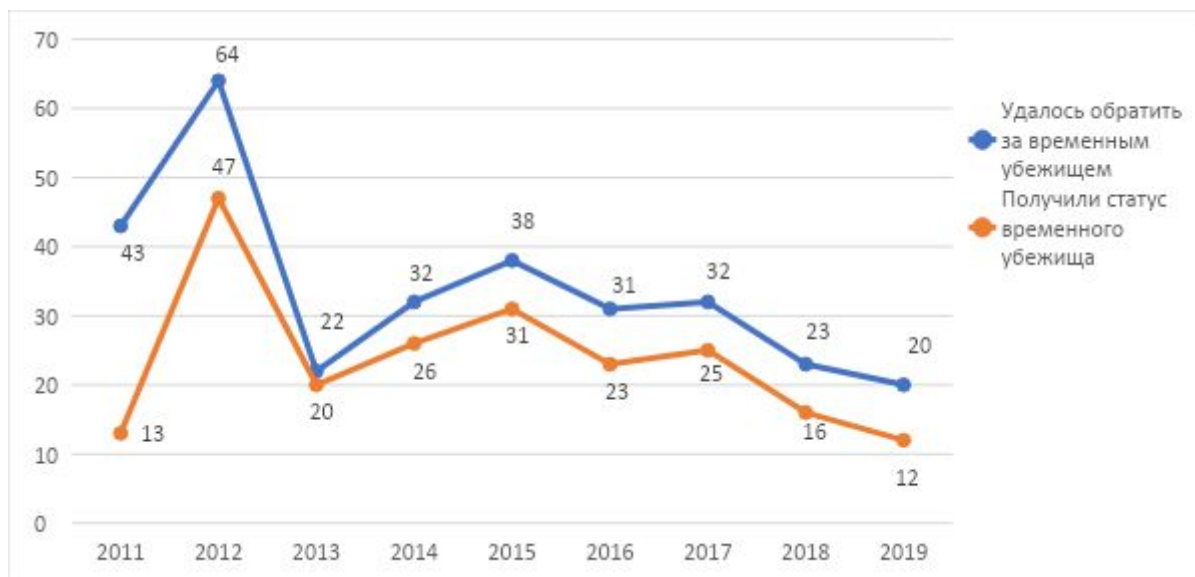

Диаграмма 3. Число граждан КНДР, которым удалось обратиться с заявлением о предоставлении статуса временного убежища, а также граждан КНДР, кто получил этот статус в Российской Федерации на конец года с 2011 по 2019 гг. (согласно данным ФМС России и МВД РФ)

Число граждан КНДР, которые имели временное убежище на начало года, не достигало и ста человек, при этом после все того же 2016 года число обладателей официального статуса резко упало.

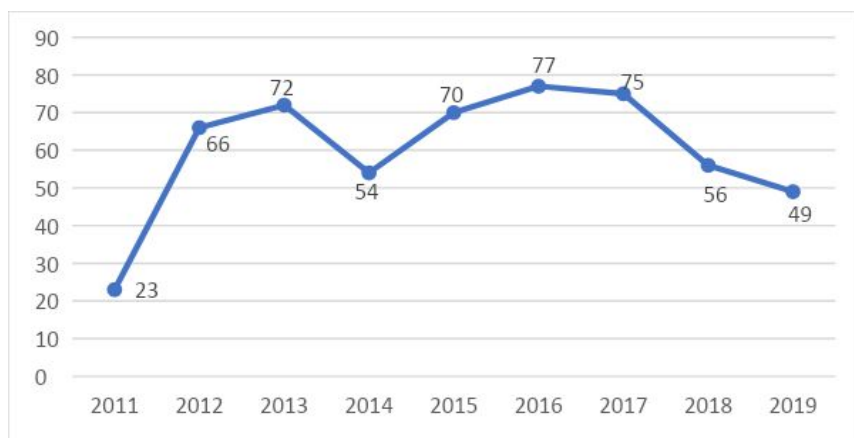

Диаграмма 4. Число граждан КНДР, имевших статус временного убежища в Российской Федерации с 2011 по 2019 гг. (согласно данным ФМС России и МВД РФ)

Резкое снижение числа тех, кому удалось обратиться за временным убежищем, а также обладателей официального статуса, свидетельствует о дальнейшем ужесточении и дегуманизации отношения российских властей к ищущим убежища лицам, выражением чего стало также описанное выше соглашение, датированное как раз 2016 годом.

Это снижение свидетельствует о том, что те из корейцев, кто имел статус временного убежища, либо вынуждены были уехать из России, либо остались без миграционного статуса.

Статистика указывает на то, что снижение числа граждан КНДР, получивших убежище в России, не объясняется тем, что им удалось получить разрешение на временное проживание (РВП), вид на жительство или гражданство России. Так, на начало 2018 года временное убежище имели 75 граждан КНДР и еще 16 получили его в течение года, но на конец года число тех, кто имел временное убежище, составило 56 человек, то есть 35 граждан КНДР этот статус утратили. В то же время за 2018 год, согласно статистике, всего лишь один северный кореец получил российское гражданство, а еще шести гражданам КНДР дали разрешение на временное проживание. Даже если предположить, что все эти семь человек имели временное убежище, остаются еще 26 граждан КНДР, которым либо статус просто не продлили, лишив их права законного пребывания в России, либо их выдали в КНДР, либо им удалось уехать в третьи страны. Все это говорит о неэффективности института убежища и преобладающем антигуманном отношении к беженцам со стороны российских властей.

Административные выдворения граждан КНДР из России

В подавляющем большинстве случаев судьи принимают решение об административном выдворении мигрантов из России на основании одной из двух статей КоАП РФ: Статья 18.8 (Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания (проживания) в РФ) и Статья 18.10 (Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в РФ). Доля решений о выдворении по этим двум статьям в 2019 году составляла 97% от всех решений о выдворении из России. Важно отметить, что за судьей предусматривается возможность выбора: либо 1) выдворить иностранного гражданина, признанного нарушителем миграционных правил, либо 2) ограничиться штрафом.

Административное выдворение, опять же на усмотрение судьи, бывает двух типов: 1) контролируемый самостоятельный выезд, когда иностранный гражданин обязан сам покинуть территорию России, 2) принудительное выдворение, когда иностранный гражданин сначала помещается в Центр временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ), условия содержания в котором близки к тюремным, а затем, после сбора соответствующих бумаг и выделения средств на выдворение, в сопровождении охраны отправляется в страну своей гражданской принадлежности.

Как было продемонстрировано в [докладе](#) Комитета «Гражданское содействие», судебная власть в России в вопросе выдворений независимостью не пользуется, а представляет собой придаток исполнительной власти, что привело судебную систему почти к тотальной деградации. Имея это в виду и в свете темы беженцев из КНДР, не удивляет, хотя по-прежнему ужасает не только факт тесного сотрудничества и «обмена опытом» между российскими и северокорейскими судами, но и откровения Председателя Верховного суда РФ, В.М. Лебедева, одновременно нахвалившего судебную систему в России и в КНДР. Содрогаешься от одних слов Лебедева: [«Я считаю, что здесь \(в КНДР\) все нормально. Суд у них действует на тех же началах, что и во всем мире, на тех же принципах»](#). Вероятно, Лебедев не читал даже краткого описания «судебной системы» КНДР, иначе бы он знал, что даже формально она не независима, а контролируется правящей партией и ее руководителями (посредством Верховного собрания КНДР), не говоря уже о реальной тотальной зависимости от тоталитарной и жестокой власти тех, кто исполняет роль судей.

Если Председатель Верховного суда РФ делает подобные заявления и авторизует программы по обмену опытом с коллегами из КНДР, то рядовые российские судьи с легкостью принимают решения о выдворении северных корейцев, игнорируя рекомендации ООН и правозащитных организаций. Они как будто и не знают, что выдворяемых в КНДР могут ждать пытки и даже казнь.

В открытом доступе отсутствуют данные о том, по скольким корейцам были приняты судебные решения о выдворении из России, также как нет и данных о том, сколько таких решений было приведено в исполнение, и корейцы были принудительно

отправлены в КНДР. Но анализ доступных нам для обозрения решений судов показывает, что такие случаи есть и они не единичны.

Известные нам решения о выдворении граждан КНДР характеризуются тем, что 1) судьи игнорируют заключение и рекомендация ООН, не ставят вопрос о том, существует ли угроза жизни и здоровью тех, кого они выдворяют, 2) судьи не поясняют, почему некоторых корейцев они помещают в ЦВСИГ, а некоторым предписывают выехать самостоятельно, 3) решения о выдворении граждан КНДР обычно судьями оформляется по шаблону, без серьезного разбирательства индивидуальных обстоятельств дела, 4) фактически судьи выступают как сторона обвинения, шансов оправдаться перед которой корейцы почти не имеют.

Из проведенного нами анализа некоторых судебных решений с октября 2018 года и по сентябрь 2019 года мы кратко опишем 16 примеров (50 судебных решений) того, как российские судьи рассматривают дела об административном выдворении из России граждан КНДР.

1) 5 октября 2018 года судья **Хасанского районного суда Приморского края** (п. Славянск), И.С. Швецова, приняла решение о выдворении двух граждан КНДР за пребывание в России свыше срока, установленного визами. Судья по тексту постановлений, какого-либо исследования о том, почему граждане КНДР самостоятельно не вернулись на родину до истечения срока действия виз, проведено не было.

2) 12 октября 2018 года судья **Советского районного суда города Казани**, О.В. Мельникова, рассмотрела и вынесла решение о выдворении путем самостоятельного контролируемого выезда в отношении девяти граждан КНДР. Каждый из них обвинялся в том, что *«по истечении срока визы, то есть установленного ею срока пребывания на территории Российской Федерации, данный срок не продлил, не выехал за пределы Российской Федерации, в настоящее время находится на территории Российской Федерации (Республики Татарстан) с нарушением режима пребывания»*. Все судебные решения писались «под копирку», ни в одном из них судья не ставит вопрос о том, почему корейцы не выехали самостоятельно. Единственное, что отметила судья из сказанного каждым из привлеченных к административной ответственности, было: *«Пояснил, что вину признает, визу не продлил, из страны не выехал»*.

3) 24 октября 2018 года судья **Индустриального районного суда Хабаровска**, И.В. Чорновол, выдворила пятерых граждан КНДР за то, что они нарушили *«правила режима пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, выразившееся в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания»*. Все пять корейцев без объяснения причины были помещены в местный ЦВСИГ (центр временного содержания иностранных граждан).

4) 26 октября 2018 года судья того же **Индустриального районного суда Хабаровска**, С.В. Александров, принял решение выдворить еще четырех корейцев. При этом первый из них был помещен в ЦВСИГ, а остальным была предоставлена

возможность самостоятельного контролируемого выезда. Странно, а, возможно, просто цинично, что в решении о помещении корейца в ЦВСИГ отмечается: *«Суд признает смягчающими вину обстоятельствами признание вины, раскаяние в содеянном, что он впервые привлекается к административной ответственности»*. Иными словами, на суровости наказания признанными судьей «смягчающими» обстоятельства никак не сказались, хотя судья имел все законные основания и полномочия ограничиться наложением штрафа за нарушение КоАП в отношении этого и других корейцев.

5) 21 ноября 2018 года судья **Железнодорожного районного суда Хабаровска, В.А. Забелина**, вынесла постановление о выдворении пяти граждан КНДР из России с помещением их в ЦВСИГ. Никакого объяснения, почему выбран именно этот путь выдворения, а также уверена ли судья, что задержавшихся в России корейцев не ждет на родине расправа, не было дано. Судья Забелина только указывает о каждом из корейцев, что он *«согласился с вменяемым нарушением, в обоснование указал, что своевременно не выехал за пределы РФ, ввиду отсутствия денежных средств»*. При этом судье следовало бы знать, что граждане КНДР почти никогда не путешествуют самостоятельно и не сами покупают билеты, а делают это под контролем бригадиров и сотрудников спецслужб своего государства.

6) 23 января 2019 года судья **Советского районного суда Казани, Р.С. Кашапов**, вынес три до запятой идентичных решения (отличается только персональная информация и дата въезда в Россию) о выдворении граждан КНДР, которые, по мнению судьи, нарушили миграционное законодательство и по окончании визы (июль 2018 года) не выехали из России. Судья, как и во всех вышеуказанных случаях, не ставит вопрос, почему корейцы решили остаться в России, а также не грозит ли им опасность на родине из-за того, что они не вернулись, когда закончились визы. Более того, в судебных решениях отсутствует указание на присутствие в суде переводчика, а также о знании задержанными русского языка.

7) 20 февраля 2019 года судья **Мотовилихинского районного суда Перми, К.А. Истомин**, вынес два написанных «под копирку» постановления о выдворении двух корейцев, которые превысили срок пребывания в России и не продлили визы. Один из граждан КНДР был в России с 2014 года, что повышает для него риск быть особо допрошенным на родине, чем судья Истомин, судя по тексту решения, не интересовался.

8) 20 марта 2019 года судья **Химкинского районного суда (Московская область), Л.В. Федорченко**, выдворила как минимум двух граждан КНДР. Никаких подробностей, кроме того, что якобы они сами обратились в миграционную службу для оформления документов о выезде, так как у них были просрочены визы, не содержится. В решении отсутствует информация о том, что Федорченко исследовала вопрос или интересовалась, не угрожает ли корейцам опасность по возвращении на родину.

9) 18 апреля 2019 года судья **Фрунзенского районного суда Владивостока, Т.А. Михайлова**, выдворила северного корейца за превышение срока действия визы,

сопроводив это, возможно, самым коротким постановлением, которое со всеми реквизитами, заняло порядка 400 слов. Об объяснении, позиции, возражений выдворяемого только сказано: *«В судебном заседании вину признал»*.

10) 18 апреля 2019 года судья **Центрального районного суда Красноярска**, О.А. Шиверская, постановила обязать как минимум девять граждан КНДР покинуть Россию, так как они превысили срок действия визы. Тексты постановлений о выдворении почти идентичны. Согласно материалам дела, все девять корейцев приехали с целью учебы, но никаких пояснений о том, учились ли они, в тексте решения нет. Обращает на себя внимание то, что корейцы были задержаны в одно и то же время в одном и том же месте, а именно *«на приеме по вопросам постановки на миграционный учет иностранных граждан сотрудниками ОБМ ОП № 1 МУ МВД России “Красноярское”*». Иными словами, они сами пришли в одно из отделений миграционной службы, хотя зачем именно остается неизвестным.

11) 20 апреля 2019 года судья **Калининского районного суда Уфы**, Д.И. Мустафина, приняла решение о выдворении гражданина КНДР из-за того, что, указав учебу целью въезда (неизвестно, имеется в виду, что у него была учебная виза или, возможно, речь идет лишь о миграционной карте, куда произвольную отметку мог поставить пограничник), он, по информации задержавших его сотрудников МВД РФ, работал. Позиция самого корейца скрывается за одним предложением решения: *«В судебном заседании вину не признал, с выдворением не согласен»*. Никаких подробностей, никаких пояснений. Надо указать, что корейцы крайне редко выражают свое несогласие с тем, что говорят сотрудники МВД или судья, на это должны быть очень веские основания, но судья этим даже не поинтересовался.

12) В том же суде и в тот же день другая судья, Е.Н. Графенкова, вынесла, если судить по тексту постановления, похожее решение, но с двумя важными отличиями: 1) гражданин КНДР отказался подписывать вручаемый и составленный полицейскими протокол об административном правонарушении, сославшись на Статью 51 Конституции РФ; 2) просил себя не выдворять. Графенкова грубо пренебрегла рекомендациями ООН и в целом необходимостью гуманного отношения с людьми, не вникла в обстоятельства дела, а отправила корейца на принудительное выдворение, поместив в ЦВСИГ.

13) 15 мая 2019 года в **Ленинском районном суде Томска** судьей А.В. Карповым был принято особо возмутительное решение. Карпов постановил принудительно выдворить из России гражданина КНДР, который проживал в России с 1994 года и в течение нескольких лет имел временное убежища. Доводы защиты о том, что в случае выдворения, очень вероятно, корейца в КНДР ждет уголовное преследование и бесчеловечное обращение, Карпов счел не основанным *«на исследованных доказательствах»*. Какие «доказательства» исследовал Карпов неизвестно, но явно не доказательства и рекомендации ООН, которые он совершенно недопустимым образом проигнорировал.

14) 20 августа 2019 года в **Октябрьском районном суде Приморского края** было вынесено решение о выдворении гражданина КНДР, которого в апреле 2018 года поймали, а затем отправили в колонию за незаконное пересечение границы России *«с целью добычи (вылова) водных биологических ресурсов»*. Особый цинизм решения состоит в том, что в решении не скрывается: 1) гражданин КНДР был задержан сразу же после освобождения из колонии (в тот же день), 2) гражданин КНДР, будучи в колонии, обращался в орган по вопросам миграции *«с заявлением об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства»*. Судья А.Ю. Ижко лишь фиксирует, что на момент освобождения и мгновенного задержания такие документы гражданин КНДР не получил.

15) 27 августа 2019 года судья **Железнодорожного районного суда Хабаровска, Н.А. Таранущенко**, вынесла постановления о принудительном выдворении трех граждан КНДР, которые более года после окончания действия визы проживали в России без действующих миграционных документов. Таранущенко в объяснении причин проживания без документов всем трем написала, что они не уехали, так как у них не было денег. Но так как защитника у корейцев на суде не было, об истинных причинах, почему они не покинули Россию, можно только догадываться, как и о том, что их ждало на родине.

16) 4 сентября 2019 года в **Авиастроительным районном суде Казани** были вынесено решение в отношении гражданина КНДР, который занимался переводческой деятельностью, о чем имел соответствующие документы. По неустановленным судом причинам этот гражданин не продлил постановку на миграционный учет, за что и был привлечен по статье 18.8 КоАП РФ. Обращает на себя внимание то, что суд зафиксировал готовность гражданина КНДР самостоятельно и за свой счет покинуть Россию, но без объяснения причин судья вынес решение о принудительном выдворении.

Для иллюстрации печальной ситуации с правами граждан КНДР в России мы привели примеры судебных решений о выдворении, вынесенных в отношении 50 корейцев. Как видно, решения о выдворении принимаются в судах разных регионов России, хотя, судя по доступным нам для обозрения постановлениям судов, особенно много корейцев выдворяется из приграничного с КНДР Приморский края и, кроме того, из Хабаровского края и Республики Татарстан. Надо отметить, что выше приведена лишь небольшая часть известных нам текстов постановлений о выдворении корейцев за примерно годовой период. При этом нам доступна лишь малая часть от общего числа вынесенных решений и далеко не из всех судов. Иными словами, о масштабе бедствия и антигуманной деятельности российских судов, работающих в теснейшем сотрудничестве с исполнительной властью, можно только догадываться.

Истории беженцев из КНДР в России

В российских СМИ мало публикаций о беженцах из КНДР и многие из них начинаются с информации об их похищениях. Иногда это происходит уже после того, как корейцы обращаются в органы миграции с ходатайством о предоставлении статуса беженца в России. В советское время правоохранные органы, обнаружив «беглого» корейца, немедленно сообщали об этом спецслужбам КНДР и в тесной связи с ними организовывали возвращение беглеца в Северную Корею, где его ожидали пытки и смертная казнь как «предателя родины». К сожалению, нам известны случаи продолжения этой традиции. Представляем истории пяти беженцев из КНДР, которым помогли или пытались помочь избежать такой участи юристы Сети «Миграция и Право» Правозащитного центра «Мемориал» и члены Комитета «Гражданское содействие».

1). Джонг Кум-Чон

Это одна из немногих историй, которую мы знаем во всех подробностях, и которая раскрывает методы работы с корейцами правоохранных органов КНДР и России.

Гражданин Северной Кореи Джонг обратился к председателю Комитета «Гражданское содействие» Светлане Ганнушкиной в апреле 2007 года. К тому времени он уже десять лет жил в России: Джонг приехал в составе группы северокорейских строительных рабочих, но работать в обиравшей рабочих фирме не стал, — он нашел себе пристанище в деревне под Екатеринбургом. Здесь он обзавелся семьей — гражданской женой Анной и сыном Антошкой, которому в 2007 году было три с половиной года. Первые шесть лет они жили в деревне. Благодаря способности Джонга работать 20 часов в сутки и непритязательности в пище и питье, Аня и Джонг отстроили себе хороший дом, купили машину и зажили вполне счастливо. Как мастер на все руки Джонг был нарасхват.

Но в 2007 году они переехали в Подмоскowie, где у Джонга появилась работа. Тут у Джонга начались проблемы - впервые перед ним стал вопрос о его правовом положении, и он по чьему-то совету обратился в УВКБ ООН, откуда его направили в «Гражданское содействие». Адвокат Сети «Миграция и Право» помог корейцу подать в миграционную службу ходатайство о предоставлении ему статуса беженца. Полугодовой срок рассмотрения ходатайства заканчивался в ноябре 2007 года. И с этого момента начинается детективная история, достойная фильма под названием «Истерн».

2 ноября 2007 года Джонг к 12 часам дня приехал в приемную миграционной службы по Московской области. При себе у него было свидетельство о рассмотрении ходатайства о предоставлении ему статуса беженца и справка УВКБ ООН, гласящая, что он стоит там на учете. Его попросили подождать полчаса. Об этом он сообщил жене по телефону и после этого пропал.

Ганнушкина отправила факсом запрос в Генеральную прокуратуру. Аня отнесла заявление в ФСБ, где долго никак его брать не хотели. УВКБ ООН обратилось в МИД РФ. Кроме того, было направлена жалоба в Европейский суд о похищении человека.

ЕСПЧ немедленно запросил Россию о произошедшем с гражданином КНДР. Появились публикации в СМИ. Все безрезультатно.

Джонг вышел на связь через шесть дней, 8 ноября. Он позвонил Ане с неизвестного ей номера и сообщил, что находится в районе Владивостока у людей, которые дали ему приют и разрешили воспользоваться телефоном.

Он был очень напуган и просил жену немедленно приехать и спасти его. Аня сообщила об этом Ганнушкиной, которая помогла ей обратиться к Уполномоченному по правам человека в РФ Владимиру Лукину. Лукин, в свою очередь попросил помочь уполномоченного по правам человека в Приморском крае Сергея Жекова и договорился с директором ФМС о том, что Джонгу на месте будет выдано новое свидетельство о рассмотрении его ходатайства об убежище.

15 ноября 2007 года во Владивосток вылетела группа из четырех человек: адвокат Сети «Миграция и Право», два сотрудника УВКБ ООН и жена Джонга Аня. В аэропорту Владивостока их встречали сотрудники аппарата Жекова на двух машинах и Валерий Зайдулин - глава добросердечной семьи, приютившей Джонга. Валерий сообщил приехавшим вызволять Джонга свой адрес и отправился готовить его к возвращению. По просьбе Джонга до этого момента адрес Зайдулиных никому не сообщался. И, как выяснилось, не напрасно. Аня с адвокатом поехала в миграционный орган оформлять Джонгу новое свидетельство о рассмотрении ходатайства об убежище.

Когда Аня, адвокат и сотрудники УВКБ приехали за Джонгом, недалеко от дома Зайдулиных стояли два джипа, в которых сидели люди похожие на корейцев. Как только Джонга вывели из дома и машины уполномоченного двинулись с места, джипы тронулись вслед за ними. Началась гонка, в которой сотрудники аппарата Уполномоченного проявили удивительную изобретательность и совершенное искусство вождения. Они договорились между собой по мобильной связи, и машину с Джонгом пропустили вперед, а вторая машина, замечая следы, стала по сопкам уводить преследователей в ложном направлении. Преследователи отстали только в городе, убедившись, что в преследуемой ими машине корейца нет.

16 ноября 2007 года Джонг и его жена были доставлены в Москву и поселены в безопасном месте. Через 4 месяца Джонг навсегда покинул Россию. А еще через три месяца он сумел уже заработать достаточно денег, чтобы оплатить билеты на самолет для Анны и сына. Семья воссоединилась. Супругов Валерия и Людмилу Зайдулиных уполномоченный по правам человека в РФ Лукин [наградил медалями](#) "Спешите делать добро". Так в российской главе истории беженца из Северной Кореи была поставлена точка.

Однако, что же произошло с Джонгом с момента его исчезновения до того, как он 8 ноября позвонил Ане? Об этом он рассказал уже в Москве.

Когда прошли полчаса ожидания в миграционной службе, сотрудник поднялся, взял с полки готовый документ и вручил его Джонгу – это было решение об отказе ему в предоставлении статуса беженца. Джонгу предложили расписаться в получении документа и выставили из помещения: был предпраздничный день, и учреждение

закрывалось рано. На улице к нему подошел человек в штатской одежде и спросил, получил ли он отказ в статусе. После этого к нему подскочили милиционеры, насильно посадили в автомобиль и отвезли в соседнее отделение милиции. Там его опросили сотрудники ФСБ и с рук на руки передали северокорейским спецслужбам, которые забрали его и привезли в посольство КНДР в Москве.

В посольстве мудрый Джонг стал бурно убеждать соотечественников, что он счастлив встречей с ними, рад вернуться на родину и готов подчиниться им во всем. Он сказал им, что к русской жене и сыну не имеет никакой привязанности и готов расстаться с ними навсегда. Свое долгое пребывание в России он объяснил страхом быть наказанным, но этот страх прошел под действием ожидания радости возвращения на свою великую родину. Услышав знакомую риторику, сотрудники посольства поверили ему и сказали, что поэтому не будут ломать ему ногу, а только наложат на нее гипс. Пришли специалисты и согнутую правую ногу Джонга заковали в гипс так, чтобы он мог с трудом передвигаться.

Ему оформили паспорт на чужое имя, отвезли в аэропорт «Внуково» и самолетом вывезли во Владивосток. Там Джонга Кум-Чон был доставлен в здание фирмы, которая его привезла в Россию. Его отвели на четвертый этаж, отобрали обувь и заперли в комнате с окном, закрытым решеткой. Начало смеркаться, в здании было тихо. Невероятными усилиями Джонг сумел выломать оконную решетку. С загипсованной ногой и босиком он выпрыгнул из окна четвертого этажа на крышу соседнего сарая и скатился на землю. Ночь он провел в кустах бурьяна между домами, с трудом отбил гипс, повредив при этом ногу, так что раны не заживали еще долго. Наутро Джонг нашел на помойке чьи-то старые туфли, надел их и, хромая, поплелся искать убежища. По дороге он встретил корейцев, строивших кому-то дом. Они категорически отказались помочь ему, пообещав только не рассказывать никому о встрече с ним. Ему попались еще несколько отказавших ему людей. И, наконец, он встретил Людмилу и Валерия, приютивших замерзшего, мокрого, грязного корейца и спасших ему жизнь.

2). Ли (имя изменено)

Ли приехал в Россию в 1996 году вместе с группой рабочих из Северной Кореи. Уже после пересечения границы сопровождающие забрали их паспорта и отправили на лесозаготовки в Амурской области. Корейцы работали на предприятии «Тындалес», где им практически не платили и скудно кормили.

Ли долгое время не решался обратиться за защитой к российским властям из опасения, что его передадут представителям спецслужб КНДР. Только в 2009 году он пришел в представительство ООН по делам беженцев в России и при поддержке адвоката Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» подал ходатайство о предоставлении статуса беженца в УФМС по Амурской области. Вместе с ним за помощью обратились еще несколько граждан Северной Кореи.

На тот момент Ли уже 13 лет жил в России, последние годы в Благовещенске. Он был женат на россиянке Эльвире, их сыну исполнилось три года. Один из соотечественников Ли, который хорошо владел русским, помог ему найти подработку на реконструкции здания, где раньше находилось кафе «Континент».

6 июня 2009 года к зданию [подъехала белая иномарка](#), в которой сидели четверо граждан КНДР. Они сказали Ли, что они его друзья и повели к машине. Ли заподозрил что-то неладное и попытался бежать. Его догнали, сбили с ног и начали избивать на глазах у прохожих. Затем Ли затолкали в машину и увезли. Коллега Ли сообщил о случившемся его знакомым. Адвокат обратилась в отделения МВД и ФСБ. Затем сообщила о произошедшем в УВКБ ООН.

Спустя четыре часа после того, как адвокат забила тревогу, Ли привезли на место похищения — перепуганного корейца вытолкнули из машины у здания бывшего кафе. Его футболка была в крови. Лицо опухло, глаза красные от кровоизлияний. Ли рассказал, что его привезли в помещение одной из благовещенских фирм. Там к его рукам, ногам и телу привязали скотчем палки и стали жестоко избивать. Адвокат отвезла Ли в травмпункт. Его побои были документально зафиксированы.

Через несколько лет Ли дали убежище в третьей стране, и в 2012 году он уехал из России.

3). Су (имя изменено)

Су также несколько лет работал в тяжелых условиях на лесозаготовках в Амурской области. В 2010 году он вместе с двумя соотечественниками решил бежать из трудового лагеря.

Су решил выбрать официальный путь обращения за убежищем. Он связался с Международной организацией по миграции (МОМ) и с консульствами западных стран во Владивостоке и попросил о помощи.

Первое интервью Су было назначено на 18 марта 2010 года в центре Владивостока в одном из отелей. Но встреча не состоялась. Когда Су приехал на такси к отелю, к нему подошли несколько человек в штатском. [По словам очевидцев](#), они вытащили Су из машины, надели на него наручники, посадили в свой автомобиль и увезли в неизвестном направлении. Через четыре дня [стало известно](#), что Су задержали сотрудники УВД Приморья и он находится в СИЗО Владивостока.

О том, как в дальнейшем сложилась судьба Су, ничего не известно.

4). Цой Мен Бок

Цой — еще один «беглец» из корейского трудового лагеря, расположенного на территории России.

В Россию Цой попал еще в 1999 году вместе с другим корейцами. Власти КНДР отправили их валить лес в Амурскую область. Бригада работала под конвоем и без документов (сопровождающие отобрали их сразу же после пересечения границы). Деньги на руки рабочие не получали. Кормили их крайне скудно – выдавали рис и пачку соли. Жили корейцы по семь-восемь человек в развалившихся вагончиках, воды не было, приходилось топить снег.

Три года Цой работал на лесозаготовках и обдумывал план побега. Реализовать его он смог только в 2002 году. Сначала доехал до Ростова, потом перебрался в Петербург. В северной столице Цой начал работать разнорабочим и продавцом на рынке. Там же познакомился с россиянкой Еленой и завел с ней семью. Вскоре у пары родились двое мальчиков. Но документов у Цоя так и не было.

В 2015–2016 годах Цой несколько раз безуспешно пытался обратиться за убежищем в России, но в приеме заявления на статус беженца ему отказывали УФМС, затем, после ликвидации ФМС, УВМ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Видимо, от них к о беженце из корейского трудового лагеря узнали власти КНДР.

31 января 2017 года Цоя вызвали в УМВД по Всеволожскому району Ленинградской области, якобы чтобы он подписал бумаги для установления личности. Придя в полицию, он понял, что вызов был ловушкой. На него составили административный протокол о нарушении миграционного законодательства. Председатель Всеволожского городского суда не внял его словам о жене и детях в России, а доводы относительно неминуемой смертной казни за «измену Родине» судья вообще анализировать не стал. Суд в своем постановлении отдельно указал, что Цоя следует передать властям КНДР, а до этого момента направить в Центр временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ).

Делом Цоя занимались адвокаты Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» Ольга Цейтлина и Юрий Серов. Они поняли, что велик риск выдачи корейца сотрудникам правоохранительных органов КНДР еще до вступления постановления в законную силу. В материалах административного дела было письмо посольства КНДР в МИД РФ с просьбой организовать передачу им беглеца. Адвокаты экстренно обратились в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с просьбой применить в отношении Цоя срочные меры защиты. Европейский суд применил Правило 39 и запретил России выдавать или высылать Цоя в Северную Корею.

9 февраля 2017 года адвокаты [добились отмены выдворения Цоя](#). Ленинградский областной суд не только отменил постановление суда первой инстанции, но и полностью прекратил производство по делу об административном правонарушении. И на следующий день Цоя отпустили на свободу. Но, несмотря на решение суда, миграционная служба вновь отказала корейцу в статусе беженца и только в ноябре 2017 года предоставила ему временное убежище в России.

5). Рю Ен Нам

Судьба беженца из Северной Кореи Рю завершилась трагически. Из КНДР он сначала бежал в Китай, а оттуда попытался попасть в Россию. Бесстрашный кореец пересек границу вплавь по реке Амур близ села Игнашино в Амурской области. Но на российской стороне его пограничники вовсе не были расположены оказывать ему помощь, несмотря на то, что Рю сообщил о том, что нуждается в ней. Его задержали и предъявили ему обвинение в незаконном пересечении границы, хотя это противоречит статье 31 Конвенции «О статусе беженцев», к которой Россия присоединилась в 1992 году. Если беженцы незаконно пересекли границу страны и попросили убежище, власти этой страны не должны их наказывать.

В октябре 2008 года суд приговорил Рю к 6 месяцам содержания под стражей в колонии общего режима. Срок его заключения истек в апреле 2009 года. После этого, согласно взаимной договоренности между РФ и КНДР о выдаче перебежчиков, его ждала депортация на родину и смертная казнь за «предательство».

Российские и европейские правозащитники просили власти России встать на защиту беженца из КНДР Рю Ен Нама и не выдавать его властям КНДР на верную смерть. Юрист сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» Любовь Татарец попыталась предотвратить выдачу Рю в Северную Корею, но не успела. Беженца депортировали и с тех пор связь с ним пропала.

Только через несколько лет Любовь Татарец узнала о дальнейшей судьбе Рю. По словам очевидца, Рю выдали спецслужбам КНДР в российском городе Хасане. Никакого официального рассмотрения дела не было. Рю привязали к поезду, который шел в Северную Корею. Пока он мог, он бежал за этим поездом. Больше живым его никто не видел.

б). Ким (имя изменено)

История Кима достойна героического романа. Это история борьбы за свою жизнь и свободу, история мужества и преодоления. Ким не просто бежал из Северной Кореи: он бежал оттуда дважды.

Ким родился в большой семье, он был младшим из восьми детей. Отец работал на рыболовном корабле, мать была домохозяйкой. Когда Киму исполнилось 10 лет, его мать умерла от рака желудка, через два года не стало отца. Дети остались сиротами. Первое время старшим братьям и сестрам удавалось сводить концы с концами, но в 14 лет Кима отдали в другую семью. По словам самого Кима, единственное, что он помнит с тех времен — это постоянное чувство голода. Связь с родственниками он потерял.

В 16 лет приемный отец отправил Кима учиться в техникум и сказал, чтобы дальше он заботился о себе сам. Через некоторое время учебное заведение закрыли, студентов распустили: власти больше не могли обеспечивать их питанием. В стране был голод, который сгубил многие тысячи жителей Северной Кореи. Ким оказался на улице без средств и какой-либо возможности заработать на хлеб. «У меня было два варианта: либо выжить, либо умереть. И я решил выжить», — вспоминает Ким. Так Ким 17-летним подростком в первый раз бежал из Северной Кореи — в 1997 году он перешел границу с Китаем и прожил там около десяти лет.

Получить статус беженца в Китае Ким не мог: Китай не присоединился к Конвенции ООН 1951 года «О статусе беженца» и не имеет своего законодательства о предоставлении убежища. Приходилось тяжело: Киму постоянно угрожала полиция, у него часто отбирали деньги, ему все время приходилось переезжать с места на место. Однажды Ким где-то услышал, что в России есть лагерь для беженцев, и решил отправиться туда. Но ничего не вышло: он по ошибке воспользовался картой времен СССР и попытался перейти границу Китая с Казахстаном, а не с Россией. На границе Кима поймали китайские пограничники и депортировали в КНДР.

Так Ким оказался в тюрьме, где его жестко пытали, а потом отправили в трудовой лагерь на принудительные работы на неопределенный срок. В лагере заключенные занимались тяжелым физическим трудом по 20 часов в сутки, почти не ели, за малейшую погрешность их жестоко избивали. Многие не выдерживали такого существования и умирали.

Однажды Ким и его товарищи решились бежать. Их было 30 человек. Ким позднее узнал, что большинство беглецов вскоре были пойманы и казнены. Но ему и еще двум его товарищам удалось спрятаться у знакомых и переждать период активных поисков. Потом Ким уже известным ему путем ушел в Китай, и продолжил свой путь к российской границе.

Весной 2013 года Ким перешел границу с Россией в Амурской области и обратился за убежищем. Вместо этого российские пограничники арестовали Кима за незаконное пересечение границы, как обычно, в нарушении статьи 31 Конвенции 1951 года «О статусе беженцев». Кима освободили из СИЗО, благодаря работе юриста Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» Любови Татарец, но находиться в Благовещенске корейцу было небезопасно — силовики сообщили о его задержании в дипмиссию КНДР. Адвокат Татарец обратилась в Комитет «Гражданское содействие». Был организован переезд Кима в Москву, где он снова обратился за убежищем.

Миграционная служба Москвы дважды отказывала Киму в статусе беженца. В первый раз в 2014 году юрист Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» Роза Магомедова и сотрудник «Гражданского содействия» Елена Буртина помогли ему обжаловать это решение в суде, и суд признал отказ незаконным — невероятная победа. Но когда Ким обратился за статусом во второй раз, ему вновь отказали. Параллельно он подал заявление о предоставлении временного убежища сроком на год, но и в этом ему отказали в январе 2016 года. Свой отказ миграционная служба мотивировала тем, что беженец не доказал, что его в КНДР могут убить: не привел соответствующие статьи корейских законов. Эта новость вызвала волну публикаций в российских СМИ и возмущений общественности. Благодаря такой поддержке в мае 2016 года Ким [получил](#) свидетельство о предоставлении временного убежища. Но в Москве Ким не чувствовал себя в безопасности: в феврале того же года правительства РФ и КНДР подписали позорное соглашение о выдаче перебежчиков. Угроза высылки на родину, где ему грозила смертная казнь, стала реальной.

К счастью, Киму предоставила убежище третья безопасная страна, и в ноябре 2016 года он покинул Россию.

О политическом режиме КНДР, о чудовищном положении корейцев, привезенных работать в Россию, написано немало. Есть [документальный фильм канала «VICE News»](#) о северо-корейских трудовых лагерях в Сибири. Режиссер Виталий Манский в 2015 году снял удивительный фильм [«В лучах солнца»](#) о жизни граждан КНДР, это подлинный документ, свидетельствующий о фальши, жестокости и нищете, царящих в этой стране.

Трудно представить себе, что руководители миграционных органов России не видели фильма Манского и не читали международных документов, выдержки из которых приведены в начале этого доклада. Тогда почему так тяжело складывается судьба беженцев из КНДР в России? Почему между КНДР и РФ заключаются соглашения, противоречащие Конвенции ООН 1951 года «О статусе беженцев»? Почему Россия не выполняет обязательств, которые взяла на себя, присоединившись к этой Конвенции?

Ответ простой: отсутствует политическая установка, без которой все соглашения, конвенции и даже Конституция России не действуют и остаются просто декларациями.